

А.Б.ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

ВБЛИЗИ
ТОЛСТОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1959

О ЧЕХОВЕ

С Чеховым я познакомился еще в Москве. Однажды меня позвали к Толстым обедать и предупредили, что у них будет Чехов. Чехову, видимо, хотелось прийти ко Льву Николаевичу и поговорить с ним. Встречи с Чеховым хотел и Толстой. Софья Андреевна не поняла этого и позвала к обеду «на Чехова» гостей, правда не очень многочисленных. Из этого визита Чехова ничего не вышло. Лев Николаевич с ним вовсе не оставался с глазу на глаз. Чехов был смущен, не в своей тарелке, почти все время молчал. Меня заставили играть, хотя моя музыка явно никому не была нужна. Чехов вскоре ушел.

Как-то ранней весной на пасху я поехал в Ялту (это была моя первая поездка в Крым). Чехов тогда жил уже в Ялте. Незадолго до моего отъезда из Москвы в журнале «Жизнь», кажется, был напечатан большой рассказ Чехова «В овраге». Лев Николаевич читал его в Хамовниках вслух и, как всегда, восхищался чеховским мастерством.

На другой день по приезде в Ялту я зашел в городской сад и встретил там Чехова, который, зябко кутаясь в свое осеннее пальто, несмотря на очень теплый солнечный день, шел по дорожке сада. Я подошел к нему, поздоровался и, так как он, видимо, меня не узнал, напомнил ему, где мы с ним встречались. Во мне было тогда еще много молодой наивности. Думая сделать Чехову приятное, я сказал ему:

— Я на днях слышал ваше новое «произведение»... (и понесла же меня нелегкая употребить такое нелепое слово!).

Чехов весь передернулся, как от электрического тока, и с отвращением перебил меня:

— Какое произведение?!

Он особенно подчеркнул это слово.

Почувствовав всю глупость своей фразы, я пробормотал:

— Я был у Льва Николаевича. Он читал вслух ваш рассказ «В овраге» и очень его хвалил, — и, не дождавшись его ответа, поспешил откланяться.

Я так обрадовался, увидев Чехова, которого через его писания всегда любил как человека, так мне хотелось ему как-нибудь выразить свое чувство, а вместо того вышло настолько неприятно, что сразу мое хорошее настроение улетучилось. Мне до сих пор больно вспоминать эту встречу до такой степени, что я никогда никому о ней не рассказывал.

Когда Чехов приезжал при мне в Гаспру, он произвел на всех чарующее впечатление. Его тихий, низкий голос, простая речь, тонкая, меткая, со скрытым мягким юмором. Он рассказывал, как зимой воет ветер, а они с матерью сидят одни, каждый в своей комнате, и какая бывает тоска...

Чехов трогательно относился ко Льву Николаевичу. В нем видно было глубокое чувство любви, уважения, я бы сказал даже — преклонения, и прежде всего перед моральным авторитетом Льва Николаевича.

Лев Николаевич был с ним ласков. Огорчался его плохим здоровьем.

Лев Николаевич высоко ценил художественное дарование и ум Чехова-писателя, а язык его произведений считал едва ли не лучшим в русской литературе. К Чехову-человеку он относился с большой симпатией и теплотой. Неопределенность мировоззрения Чехова, отсутствие в нем религиозной основы огорчали Льва Николаевича и умаляли для него значение Чехова-писателя. Когда Чехов в 1897 году захворал кровохарканьем и лежал в клинике профессора Остроумова, Лев Николаевич пошел к нему его проведать. Чехов был очень тронут этим посещением, но попытка Льва Николаевича заговорить с ним о самом для него важном не

встретила в Чехове отклика. В другой раз Лев Николаевич проведal Чехова, когда он уже выписался из клиники и переехал на свою московскую квартиру в Дегтярном переулке на Малой Дмитровке, в дом Шешкова. Когда Лев Николаевич шел от него по одному из бульваров (Тверскому или Никитскому), я встретил его. Он рассказал мне, что был у Чехова, и я проводил его по Пречистенскому бульвару и Пречистенке домой.